

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА КОЛОКОЛОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1625-5791; kolokolowa.olg@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ XX–XXI ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Творчество русских писателей Карелии генетически восходит к традициям Русского Севера – крупнейшего центра древнерусской книжности, старообрядческой культуры, агиографии. Исследование роли православной традиции в русской литературе Карелии XX–XXI веков является актуальной проблемой, связанной с устойчивым интересом современной филологии к изучению литературного процесса в регионах. Общие тенденции бытования православной традиции в русской литературе Карелии XX–XXI веков не становились предметом отдельного анализа, что обусловило новизну исследования. В истории словесности Карелии христианские образы и мотивы интегрировались с региональными традициями, устойчивыми топосами локального текста. Поэзия начала XX века наследовала традиции русской духовной лирики XVIII–XIX веков. С Олонецким краем связан феномен творчества Н. Клюева, ставшего ядром новокрестьянской поэзии. В литературе конца 1910–1920-х годов библейская символика использовалась для изображения новой действительности, революция отождествлялась с пришествием Христа, актуализировался рождественский хронотоп (С. Шердюков, Д. Мошинский, А. Куняев и др.). Анализ текстов советского периода показал, что христианские образы функционировали в произведениях имплицитно (на уровне архетипов и контекста) или десакрализировались. Во второй половине 1960-х годов произошло переосмысление концепции жанров исторической прозы. Д. Балашов, В. Пулькин исследовали темы исторической памяти, роли Церкви в русской истории. В поэзию 1970–1980-х годов вновь вошли экфрастические образы храмов, христианская топика (И. Костин, А. Авдышев, Ю. Линник). Литература периода «духовного ренессанса» демонстрировала движение от исторической темы, эсхатологических образов к усилению лирического начала, вниманию к духовному миру человека, а также идее православной соборности. Особое внимание уделено трансформации севернорусской агиографической традиции (В. Пулькин, Н. Васильева, Д. Новиков и др.), жанрам псалма (Д. Вересов, С. Захарченко), молитвы (А. Васильев).

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская литература Карелии, христианство, православные традиции, поэтика, рождественский хронотоп, пасхальность, соборность, агиография

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Колоколова О. А. Православные основы русской литературы Карелии XX–XXI веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1265

ВВЕДЕНИЕ

Православные традиции, преломленные в культуре региона, сочетающего в себе наследие русской и финно-угорской словесности, формировали своеобразие литературы Карелии. Творчество писателей генетически восходит к традициям Русского Севера – крупнейшего центра древнерусской книжности, хранителя старообрядческой культуры, агиографии. Функционирование хри-

стианских мотивов, образов, жанров на протяжении истории словесности не было единым: влияние оказывали внешние факторы, исторический контекст. Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены историческим аспектом. Современная территория Карелии в качестве Обонежской пятины входила в состав Новгородской феодальной республики, таким образом, истоки словесности региона восходят к XII веку. Однако,

несмотря на традиции древнерусской литературы и труды писателей Нового времени, русская литература Карелии как единая система сформировалась в XX веке, а точнее – после 1917 года [17: 3–10]. Настоящее исследование не претендует на исчерпывающий обзор материала за период, охватывающий более ста лет. Тем не менее результаты предпринятого анализа позволят выявить общие тенденции и закономерности, а также обозначить отдельные доминанты в рецепции православной традиции. Предполагаем, что сделанные в ходе работы наблюдения внесут вклад в изучение более глобальной темы «Литература Европейского Севера России и христианство», а также послужат основой для аналитических исследований, посвященных отдельным проблемам поэтики художественного текста. Изучение роли православной культуры, ее влияния на поэтику художественного текста в диахроническом срезе является актуальной проблемой, связанной с устойчивым интересом современной науки к изучению литературного процесса в регионах. Результаты анализа дают возможность выявить духовные доминанты и общие закономерности развития словесности Карелии.

Некоторые вопросы рецепции и трансформации христианской традиции в литературе Карелии были поставлены в коллективных монографиях, посвященных истории развития словесности в регионе [4], [17]. Ряд исследователей рассматривают заявленную проблему на материале творчества отдельных писателей: Н. Ключева [7], [8], [9], [16]; А. Васильева [5]; Ю. Линника [13] и др. Работы Н. Л. Шиловой посвящены изучению образа острова Киж в русской литературе, а также христианских мотивов в Кижских сюжетах русской прозы [14]. Однако общие тенденции бытования православной традиции в русской литературе Карелии XX–XXI веков не становились предметом отдельного литературоведческого анализа, что обусловило новизну исследования. Применялись приемы изучения локального текста, сравнительно-сопоставительный, описательный методы, а также принципы диахронического анализа.

* * *

Русская литература Карелии начала XX века наследует традиции севернорусской и русской словесности. В 1898–1918 годах в неофициальном отделе газеты «Олонецкие епархиальные ведомости», органа печати Олонецкой епархии, публиковались стихотворения духовного содержания. К числу постоянных авторов принадлежали протоиерей Н. Суперанский, иеродиакон Афанасий (Вишневский), священник В. Красов. В выпусках

1889–1911 годов представлено более двадцати стихотворений Д. П. Ягодкина (1848–1912), преподавателя Олонецкой духовной семинарии и Петрозаводского епархиального женского училища, краеведа, этнографа, автора работ по истории Церкви. Центральной темой духовной поэзии Д. П. Ягодкина (стихотворения «О небесном воспитании» (1898), «Велик Господь наш в небесах...» (1905), «Ты, Боже, Владыка миров...» (1905), «Всещедр Господь Творец...» (1906) и др.) является единство всего сущего в духовной сопричастности Творцу. Сборник стихотворений «Песни победителей» (1905) – это, по словам автора, «песни сердечной любви, которая составляет существенное свойство Творца и всех добрых созданий»¹. Пейзажная лирика Д. П. Ягодкина сочетает в себе христианское мироощущение и картины величественного северного пейзажа, созданные в русле традиций Г. Р. Державина и Ф. Н. Глинки.

С Олонецким краем связано имя русского поэта Н. Ключева (1884–1937), который родился в деревне Коштуги Вытегорского уезда². Свои первые произведения поэт подписывал как Николай Олонецкий, подчеркивая связь с севернорусским краем, «свою родовую (в широком смысле этого слова) принадлежность» [7: 60]. Н. Ключев возводит свою поэтическую биографию к Аввакуму и братьям Денисовым: «До соловецкого страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной»³. Ряд исследователей, в том числе Е. И. Маркова [9] и Е. М. Юхименко [16], полагают, что уникальность его поэтического дара во многом обусловлена семейным укладом. Воспитанный в старообрядческой среде, Н. Ключев с детства почитал традиции древнего благочестия, постигал таинство священных текстов. Безусловно, мировоззрение поэта шире, чем традиционная духовная жизнь русского крестьянства, но, размышляя о будущем России, Н. Ключев считал необходимым сохранить основы «избяной Руси».

Пространство Русского Севера в поэтическом мире Н. Ключева отмечено рядом устойчивых координат – сакральных топосов. Русский Север предстает как Новый Иерусалим, а олонецкие монастыри и храмы являются «сакральными константами» [8: 287]. Поэт вводит в художественный текст локальные образы Олонецкого края. К примеру, Н. Ключев чрезвычайно ценил Пудожье, поскольку этот топос в его мировосприятии неразрывно связан с образом Лазаря Муромского. В стихотворении «Мирская дума» святой предстает как носитель идеи спасения Руси,

наставник и объединитель северных народов⁴. Среди севернорусских святых поэт особо почитал Зосиму и Савватия Соловецких. Н. Клюев отмечает, что бывал на Соловках дважды: «В самой обители жил больше года без паспорта, только по имени – это в первый раз; а во второй раз жил на Секирной горе»⁵. Поэтический облик монастыря запечатлен в поэме «Соловки» (1926–1928):

«Распрекрасен Соловецкий остров,
Лебединая тишина...
Звенигород, великий Ростов
Баюкает голубизна,
А тебе, жемчужине Поморья,
Крылья чаек навевают сны,
Езера твои и красноборья
Ясными улыбками полны...»⁶

Поэма, созданная через несколько лет после превращения обители в концлагерь и поругания мощей Зосимы и Савватия Соловецких, посвящена трагедии монастыря. Соловецкий монастырь представлен как духовный центр России, колыбель старообрядческой культуры. В произведении возникает мотив изгнания святых, отражающий духовную гибель Руси – России⁷.

Н. Клюев одним из первых вводит в поэзию образ острова Кижи с коннотацией сакрального пространства⁸, где «в горящих покрывалах / В заревых и рыбьих славах / Плещут ангелы крылами»⁹. В поэме «Мать-Суббота» поэт ставит остров в один ряд с другими святынями Русского Севера:

«Палеостров, Выгу,
Кижи, Соловки,
Выплескали в книгу
Радуг черпаки»¹⁰.

В начале XX века творчество Н. Клюева стало своеобразным ядром новокрестьянской поэзии. Оно привлекало писателей разного уровня профессионализма. Например, образность пейзажной лирики вытегорского поэта С. Ручьева близка поэтике Н. Клюева. В стихотворении «Эти избы бревенчато-серые...» метафорическое значение леса как монашеского жилища имеет общую семантику с многосложным клюевским образом «многопридельного хвойного храма»:

«Скалы глыб от раскосой Карелии
Над чугунно-расплавленной мшавою
Грезят грустью бездонно-лукавою
В бледно-лиственной царственной
келии...»¹¹

В литературе первых лет революции и начала 1920-х годов идеи строительства новой жизни сосуществовали с христианскими представлениями о мире. Распространена модель отождествления революции с пришествием Иисуса Христа

(стихотворения С. Шердюкова «Он распят был», Д. Мошинского «Христос Воскрес!», А. Куняева «Христос! в Тебя мы верим...» и др.). В поэзии этого периода, наряду с пасхальным хронотопом, преобладающим в русской словесности¹², актуализируется рождественский хронотоп. В частности, в стихотворении А. Куняева «Звезды на небе ярко горят...» (1914) возникает образ соборного единства мира, когда даже враг не решается «бросить ядро» и нарушить тишину и мир, воцарившиеся в Святую ночь рождения Христа, «когда свет всепрощенья, любви засиял»¹³.

Необходимо заметить, что отношение к христианству и Русской православной церкви в художественных произведениях 1910–1920-х годов неравномерно и неоднозначно. В ряде текстов открыто звучат антирелигиозные мотивы (поэма П. Широкова «Два храма» (1922), пьеса Ю. Юрьина «Король в лохмотьях» (1921), поэма И. Калугина «Христос» (1922)).

Литература 1930-х годов развивалась в условиях строгого политического и цензурного контроля. Одобренный официальной политикой метод социалистического реализма ограничил выбор материала для художественного изображения. Православная тема была вытеснена на периферию, христианские образы использовались для выражения антирелигиозной идеи (поэма Н. Грибачева «Собор» (1934)). В поэтике пространства утрачивается сакральная коннотация. К примеру, остров Кижи, имевший сакральное значение в творчестве Н. Клюева, в романе В. Чехова «Возмутители» (1939) представляет собой нейтральное описание места действия – северный сельский пейзаж Заонежья¹⁴.

В годы Великой Отечественной войны советское руководство приняло политику «нового церковного курса» [12: 22]. Изменения произошли и в сфере искусства: в литературе военных лет¹⁵ и послевоенного периода христианские мотивы и образы имплицитно и эксплицитно входят в поэтику художественного произведения, усиливаются параллели со Священным Писанием. Эта тенденция выражена в изданном в 1947 году сборнике Б. Шмидта «Неустрасимые». Лексический анализ художественных текстов обнаруживает семантическое поле христианских понятий и категорий, образующее особый подтекст (храм, юродивый, обедня, молитва, крест, священный, Магдалина, Илья-пророк и др.). Поэма «Город, который нельзя победить» посвящена героической обороне Ленинграда. Манифестация любви как победы над смертью заявлена в эпиграфе к поэме и выражена в сюжетной линии.

Образ распятого на кресте бойца Андрея, совершившего подвиг во имя любви к Отчизне, городу, жизни, матери, имеет выраженное аллюзивное значение и отсылает к новозаветным образам, в том числе принявшего мученическую кончину на кресте Андрея Первозванного.

«Он словно нес – по снегу – крест дощатый,
На запад глядя дырами глазниц.
Он на Неве стерпел такие муки,
Что даже ослабев на полпути,
Себе, наверно, пригвоздил бы руки,
Чтоб этот крест до Шпреи донести»¹⁶.

В послевоенные годы и последующие десятилетия политика в области официальной цензуры была неравномерна и крайне изменчива. Несмотря на относительную либерализацию в период оттепели, христианская тема в литературе была заключена в достаточно строгие рамки антирелигиозной кампании, пик которой пришелся на 1958–1964 годы. В художественной словесности Карелии второй половины 1960-х годов обозначилась потребность в переосмыслении понятия исторической прозы, ее революционного пафоса, отрицания традиций прошлого. Глобальные изменения в этот жанр вносит Д. Балашов, творческая и научная биография которого тесно связана с Карелией¹⁷. Идейно и тематически проза Д. Балашова близка творчеству писателей Русского Севера: Ф. Абрамова, В. Белова, А. Яшина, в чьих произведениях исследуются эволюция национального характера, духовные ценности русского народа. Д. Балашов создает контекст, связующий современность и духовное наследие прошлого, образующий пересечение традиции и новаторства; рассматривает культуру прошлого и настоящего в ее взаимосвязи как непрерывный процесс. Писатель считает, что существование нации напрямую связано с восстановлением и сохранением исторической памяти; подчеркивает, что в прошлые века «богословие было научной базой, на которую опиралась культура, а церкви являлись центрами культуры и науки»¹⁸.

Д. Балашов, работая с памятниками древнерусской письменности как писатель и профессиональный филолог, исследовал текст в качестве источника исторических сведений и воплощения памяти о духовной истории, судьбе народа и отдельной личности. Приведем несколько примеров рецепции древнерусской агиографической традиции в прозе Д. Балашова. Историческим источником романа «Марфа-посадница» (1972) является «Житие преподобного Зосимы, игумена Соловецкого», в котором со-

держится рассказ о столкновении основателя Соловецкого монастыря с Марфой Борецкой и о пророческом «видении безголовых великих бояр». Некоторые сведения Д. Балашов почерпнул из «Жития Михаила Клопского», памятника новгородской письменности конца 70-х годов XV века, в основе которого лежат предания о принявшем на себя подвиг юродства Христа ради Михаиле, подвизавшемся в Клопском Троицком монастыре под Новгородом в 1410–1450-х годах. В литературоведческих исследованиях отмечается общность экспрессивно-эмоционального стиля, ораторской позиции, принципов типизации в поэтике Д. Балашова и памятнике древнерусской литературы XVII века «Житие протопопа Аввакума» [4: 242]. Христианская традиция в прозе Д. М. Балашова воспроизводится в тесном контексте с древнерусской литературой и фольклором в рамках художественного исследования темы русской государственности, связи истории и современности.

В конце 1960-х годов в литературу вошел В. И. Пулькин с публикациями очерков, рассказов, сказов и повестей о коренных народах Карелии – русских, карелах и вепсах. Писатель работал в жанре «художественной этнографии», предпочитал сказовую манеру повествования, широко использовал диалектную лексику для придания местного колорита, тем самым углубляя тему исторической памяти, сохранения национальных истоков. Первая книга «Кижские рассказы» (1973) посвящена острову и его центру, Церкви Преображения Господня, жемчужине русского деревянного зодчества. В сборнике обозначены основные темы дальнейшего творчества писателя: неразрывная связь народов Севера; происхождение красоты (сказы о древодельцах, сказителях); Петр I на Севере; христианство и язычество [4: 245–254]. Примером художественного осмысления последней темы являются «Сказ об Иване, русского жителя человеке, и Кижской земле» (цикл «Досюльщина старобытная») и «Слово о Петре и Павле» (цикл «Тястенники»):

«Органичным и мирным, под знаком братолюбия, рисует В. Пулькин взаимосмещение народов – славян, карел, лопи, взаимопроникновение христианства и язычества, где все-таки первое покоряет магию второго высотой творческого духа, возвышенной нравственной правдой» [4: 247].

А. М. Петров, рассматривая фольклорно-литературные связи на примере сказа «Змей – серебряная спинка», реконструирует литературную историю произведения, устанавливает его источники [11]. Исследователь приходит к выво-

ду о том, что в заключительном варианте сказа усилены христианские мотивы:

«Христианская тональность стала важнейшим фактором преодоления фольклорной традиции – фольклорные образы, мотивы и сюжеты предстают в свете христианских нравственных категорий: сострадание, милосердие, духовная красота» [11: 47].

В поэзии 1970–1980-х годов также происходит возвращение к христианской топике. Образ собора как константа семантического поля православия появляется в лирике В. Сергина («Соловки», «Реставрация в Кижях»), И. Костина («И вновь люблюсь у часовни...»), А. Авдышева («Кижичи»). Творчество А. Авдышева представляет собой взаимосвязь словесного и изобразительного видов искусства: к примеру, пейзажное и экфрастическое начало книги стихов «Заонежье» (1984) имеет устойчивую ассоциативную связь с гравюрами «Кижского альбома» (1966). Графический образ Кижского погоста драматичен, в то время как его экфрастическая интерпретация в лирике имеет более сдержанный характер. Лирическое повествование о людях, которые живут и работают на острове, наполнено бытовыми и этнографическими деталями, что снижает сакральную коннотацию образа острова. Он приобретает характеристики дома: близкого, знакомого, дарующего вдохновение. Преображенская церковь и часовня Спаса Нерукотворного являются частью пейзажа:

«Я снова вглядываюсь в лица,
Ищу ответов у судьбы.
И заставляют сердце биться
Резная красота избы,

Забутые у съезда дровни,
Топор, блеснувший на дворе,
Заросший мхом шатер часовни
На дальней Нарыной горе»¹⁹.

Во второй половине 1980-х годов произошли существенные изменения в идеологической политике государства в отношении Русской православной церкви²⁰. С возрождением православных традиций в обществе обозначилась тенденция к актуализации религиозной тематики в искусстве. Особенно отчетливо она выразилась в 1990-е годы, период «духовного ренессанса». Возвращение к значимой для русской литературы модели христоцентризма отражает соприкосновение с Христом человека, который долгое время жил в системе официальной идеологии атеизма. По мнению Е. И. Марковой, рождественская символика обусловлена стремлением преодолеть «возникший в священной истории вакуум» [4: 337]. Произведения, посвященные

событиям Рождества Христова, открывают книги стихов М. Перминовой «Лирика» (1993), О. Карклин «Блик» (1994). В женской лирике 1990–2000-х годов²¹ поэтика рождественского хронотопа включает в себя образ Богородицы как воплощение материнской любви (Л. Кочеганова «У Богоматери – чело...»). В стихотворениях Д. Вересова «Накануне Рождества» и А. Валентика «В навечерие вся отойдет суета...» выразительно акцентирован мотив ожидания Рождества. В первозданной тишине «возродившаяся» душа лирического героя раскрывается для встречи с Богом:

«В навечерие вся отойдет суета,
И такая окрест тишина воцарится.
Запах елки, свечей... И дыханье Христа...
Чистый снег под луною искрится.
В небесах и в полях, на душе – Рождество!
Дань бессмертья – рожденье Христово!
И душе возродившейся с Богом родство
В навечерье откроется снова»²².

Объектом художественного исследования в поэзии Е. Валги, Н. Волковой, М. Перминовой, Е. Сойни, А. Васильева, Д. Вересова, Е. Пиетийнен, П. Шувалова становятся вопросы христианской антропологии: природа и сущность личности в ее сопричастности высшему божественному началу, проблемы веры и неверия, духовной эволюции. Проблематика сборника А. Васильева «Восстань, душа...» (1998) сфокусирована на таких вечных вопросах бытия, как духовное основание человеческого существования и место человека в системе истории, на рубеже эпох. Глубокое осмысление получают также вопросы национального возрождения, бессмертия России. Рубеж веков и тысячелетий в национальной истории воплощается в эсхатологических мотивах сопротивления стихии, образах смуты и безвременья. Преодоление трагической ситуации современности мыслится в единстве времен, то есть наследование традиции, личная и историческая память открывают путь к будущему возрождению. В книге стихов О. Карклин «Блик» (1999), посвященной 2000-летию со Дня Рождения Иисуса Христа, важнейшее значение приобретает идея православной соборности, духовного единения, где общее, национальное возрождение обретается через спасение отдельной личности.

Идея сакрализации слова выражена в традиции молитвенной поэзии (Е. Валга, С. Захарченко, А. Васильев, Д. Вересов). В целом характерной особенностью русской поэзии Карелии рубежа веков является экспериментальный опыт в об-

ласти жанра. Распространены вариации молитвы (покаянная, просительная, хвалебная и т. д.); переложения канонического псалма (Д. Вересов); поэтическая интерпретация псалмодий (С. Захарченко); венки сонетов (Ю. Линник).

В 2007 году в издательстве журнала «Север» опубликован сборник стихов «Удержавшийся над бездной!», приуроченный к 780-летию крещения карелов. Издание посвящено истории христианства на территории современной Карелии, воплощенной в произведениях профессиональных и непрофессиональных поэтов (сборник включает произведения более ста авторов). В предисловии заявлена проблема формирования понятия «современного православного стиха»²³. Анализ поэтических текстов сборника показывает, что православная поэзия конца XX–XXI веков следует национальным традициям, воплощая в словесном творчестве идеи христианской духовности и постижения пути человека к Богу. При этом новаторское и оригинальное в этом поэтическом направлении выражено не только сквозь призму индивидуально-авторского сознания, но преломляется в природных, этнографических, исторических особенностях региона. Сборник воплощает идею создания литературной географии православной Карелии: в произведениях представлена галерея образов православных монастырей и храмов (Д. Вересов «Соловки», С. Захарченко «Сказание о Важеозерском монастыре», Ю. Звягин «Кемский Успенский собор», А. Васильев «Яшезерский монастырь» и др.). Линейное историческое время в поэтике сборника циклизуется в годовом литургическом круге православных постов и праздников (Д. Вересов «Тебе присниться в ночь на Рождество...», Т. Тальянова «Сретение», В. Судаков «Вознесение Господне. Олонец», В. Науменко «Троицын день», О. Гусева «Преображение», П. Шувалов «Покров», В. Калачева «Великий пост» и др.). Хронотоп в большей мере сфокусирован на сакральном времени двенадцатых праздников, что усиливает акцент на искупительной и страдательной роли Христа, высвечивает идеи преображения и спасения.

Проза конца XX – начала XXI века продолжает традиции русской словесности с ее этико-философской проблематикой, вниманием к личностно-субъективному, исповедальному началу, исследованием духовно-нравственных вопросов, исторической концепции самобытного пути России. Проблема нравственного выбора посвящен триптих Н. Васильевой «Когда ангелы поют»: «Бесовы следки» (1996), «Блаженны кроткие» (1998), «Когда ангелы поют» (2012). Повести

объединяет тип центральных персонажей – готовые к борьбе, рефлексующие, сильные женские характеры, а также место и время действия – эпоха распада Советского Союза, перестройка, начало 1990-х годов. В произведениях остро встает вопрос о вере: несмотря на дух противоборства, сомнения и поиски, главным вектором становится поиск героями гармонии, любви, пути к Богу. Важнейшие функции в поэтике произведений выполняют иеротопические мотивы: сакральный топос (храм, монастырь) является центральным образом, объединяющим повести в триптих. По мере разворачивания сюжета происходит наслаивание символических смыслов посредством противопоставления сакрального (Муромский монастырь, Церковь Воскрешения Лазаря, перенесенная в ансамбль Кижского музея-заповедника) и бытового пространственных планов, а также соединения разновременных пластов (хронотоп жития Лазаря Муромского и настоящее время).

В 1993–2008 годах В. Пулькин создает цикл «Северная Фиваида», в который входят произведения малых прозаических жанров (сказы, легенды, сказания), посвященные христианским святым Русского Севера. Топоним «Фиваида» отсылает к древнегреческому названию области Верхнего Египта (греч. Θηβαΐδα), месту поселения монахов-отшельников периода раннего христианства. Понятие «Русская Фиваида на Севере» было введено А. Н. Муравьевым, назвавшим подобным образом свое сочинение о паломничестве в Вологодские и Белозерские святыни²⁴. В. Пулькин трансформирует название цикла, локализуя духовную традицию, акцентируя ее севернорусское происхождение [15: 473]. Круг источников сказов включает «канонические жития соловецкого и олонецкого патериков»²⁵; русские, карельские, вепские народные легенды, зафиксированные автором в фольклорно-этнографических экспедициях. В поэтике произведений синтезированы две мировые традиции – античность и христианство:

«Православие питают корни глубокие, они в Библии, в трудах Отцов Церкви, в античном наследии, в речениях греческих философов, живших и задолго до Рождества Христова. Огромный пласт культуры накоплен человечеством. И дивно, трогательно перекликается немудрящая крестьянская пословица, поговорка, присловье с мудрой мыслью Пифагора, Менандра, Диогена»²⁶.

Контаминация книжных и фольклорных источников, их трансформация в литературной обработке характеризуют особенности авторской интерпретации северной агиографии.

В 2013 году карельские писатели Д. Новиков, Я. Жемойтелите, И. Мамаева и А. Бушковский провозгласили манифест новой северной прозы. Одно из фундаментальных идеологических положений заявленного направления – преемственность традиций словесности Русского Севера, истоки которой берут начало в «поморском, олонецком, печорском фольклоре» и духовной словесности²⁷. В произведениях Д. Новикова художественное осмысление внутреннего мира современного человека, его взаимоотношений с действительностью представлено в контексте исторической традиции. Введение элементов русского фольклора, ветхозаветных и евангельских образов, агиографических сюжетов создает дуфабульную модель повествования. В рассказе «Другая река» мотив пути выполняет композиционную (скрепляет два плана повествования) и символическую (пространственно-временная метафора жизненного пути) функции. Первый план повествования – жизнеописание священника поселка Кола Варлаама, жившего в XVI веке, почитаемого Русской православной церковью в лике преподобных. Второй сюжетный план – исповедальный рассказ героя-повествователя, отправившегося в путь на Север, к реке Кереть, в места, где подвизался святой Варлаам. Единое пространство сближает современного героя, у которого не получается «поверить» и «отдать свою боль Богу»²⁸, и священника XVI века, который, «только пройдя испытания многие, понимать начинает, что верой спастись должен»²⁹. В романе Д. Новикова «Голомяное пламя» повествование о Варлааме Керетском встроено в сюжет произведения в различных жанрово-стилистических формах (фрагмент агиографического текста, вставной рассказ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, обзор литературы Карелии XX–XXI веков подтверждает, что преемственность традиций русской литературы и связь с на-

циональными духовными истоками являются важнейшими факторами развития русской словесности в регионе. Исторический контекст, политика государства в отношении Русской православной церкви и официальная цензура оказывали сильнейшее влияние, но не определяли всецело характер русской литературы Карелии: христианские образы и темы, выраженные эксплицитно или в подтексте, продолжали существовать в словесности советских лет. Даже периоды ожесточенного гонения на Церковь демонстрируют наличие примеров рецепции православной традиции.

На протяжении истории развития словесности Карелии христианские образы и мотивы интегрировались с региональными традициями, устойчивыми топосами локального текста (события, личности, природные образы северного ландшафта и др.) и пространственными локусами. Образы северного пейзажа воплощают идею божественного миропорядка, единства Бога и сотворенного Им мира в русле традиций Г. Державина, Н. Глинки. Создается образ пространственно-временной границы, который в контекстуальном поле христианства приобретает значения разделения сакрального и обыденного пространств (повести Н. Васильевой), осмысления временной границы рубежа веков в русле эсхатологического учения (А. Васильев, Д. Вересов).

В современной русской прозе Карелии рассматриваемого периода обнаруживается стремление к репрезентации и художественной рецепции агиографической традиции. Отражение христианской культуры в поэзии реализуется в исследовании духовного мира человека в контексте идей христианской антропологии и православной соборности; трансформируются жанры псалма, молитвы. Современная духовная лирика продолжает православные традиции русской поэзии, являясь при этом оригинальным литературным феноменом конца XX – начала XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реклама сборника стихотворений Д. П. Ягодкина «Песни победителей» // Олонецкие епархиальные ведомости. 1904. № 12. С. 375.

² В конце XIX – начале XX века Вытегорский уезд входил в состав Олонецкой губернии, с 1937 года является частью Вологодской области.

³ Ключев Н. Автобиографическая справка (1925) // Ключев Н. Сочинения. Т. 1. [Мюнхен]: А. Neimanis, 1969. С. 211.

⁴ Ключев Н. Мирская дума // Ключев Н. Сочинения. Т. 1. [Мюнхен]: А. Neimanis, 1969. С. 328.

⁵ Ключев Н. А. Гагарья судьбина // Ключев Н. А. Словесное древо: Проза. СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2003. С. 32.

⁶ Ключев Н. Соловки // Ключев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 667–668.

⁷ О мотиве ухода святых с иконы в творчестве Н. Ключева см.: [6: 510–544].

- ⁸ Об этом см.: [8], [14].
- ⁹ Ключев Н. Песнь о великой матери // Ключев Н. Сердце Единорога... С. 701.
- ¹⁰ Ключев Н. Мать-Суббота // Ключев Н. Сердце Единорога... С. 647.
- ¹¹ Ручьев С. «Эти избы бревенчато-серые...» // Народное образование Олонецкой губернии. 1919. № 1–2. С. 97–98.
- ¹² Об этом см.: [3].
- ¹³ Куняев А. Н. «Звезды на небе ярко горят...» // Куняев А. Н. Стихотворения народного учителя Алексея Николаевича Куняева. Петрозаводск: Изд. Отдела Народного Образования при Олон. губ. И. К-те Советов К. Р. и Кр. Д., 1919. С. 17.
- ¹⁴ Подробнее см.: [14: 32–34].
- ¹⁵ Академическая наука использует понятие «литература Карельского фронта», которое включает художественные произведения, опубликованные на территории севернорусского региона, созданные военными корреспондентами, писателями и журналистами: Г. Фишем, П. Шубиным, М. Резником, В. Беляевым, В. Кавериним, Л. Кассилем, Е. Петровым, А. Платоновым, К. Симоновым, А. Линевским, С. Нориним, Ф. Трофимовым и др. См.: [2], [4: 113–123].
- ¹⁶ Шмидт Б. Город, который нельзя победить // Шмидт Б. Неустрашимые: повести и стихотворения 1936–1946 гг. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. С. 66.
- ¹⁷ Об этом см.: [1].
- ¹⁸ Балашов Д. Мужество говорить правду // Комсомолец. 1988. 16 апреля. С. 4.
- ¹⁹ Авдышев А. Заонежье // Авдышев А. Заонежье. Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1984. С. 5.
- ²⁰ Знаковыми событиями стали празднование 1000-летия Крещения Руси и встреча Святейшего Патриарха Пимена и постоянных членов Священного Синода с М. Горбачевым в 1988 году. Федеральные законы «О свободе вероисповеданий» (1991) и «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997) декларировали толерантность в отношении религиозных объединений в Российской Федерации и утверждали особую роль православия в становлении духовной культуры и истории России.
- ²¹ Северо-Западный регион стал своеобразным центром современной женской литературы благодаря организатору ассоциации «Мария» Галине Скворцовой. Подробнее см.: [4: 325].
- ²² Валентик А. «В навечерие вся отойдет суета...» // Валентик А. Навечерие. Петрозаводск: Тип. им. П. Ф. Анохина, 2011. С. 50.
- ²³ Захарченко С. О. Предисловие // Удержавшийся над бездной: Сборник стихов / Ред.-сост. В. Судаков; Вступ. ст. С. Захарченко. Петрозаводск: Изд-во журнала «Север», 2007. С. 3.
- ²⁴ Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855.
- ²⁵ Пулькин В. Северная Фиваида. Сказания о святом Александре Свирском чудотворце и его учениках // Север. 1993. № 4. С. 5.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Ермолин Е. Ночи и дни окном на полюс // Октябрь. 2016. № 7. С. 4.
- ²⁸ Новиков Д. Другая река // Новиков Д. В сетях Твоих. Петрозаводск: Verso, 2012. С. 226.
- ²⁹ Там же. С. 214.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитрий Балашов и Карелия: к 95-летию со дня рождения: Библиографический список литературы / Сост. И. В. Шустрова. Петрозаводск, 2022. 14 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://library.karelia.ru/catalog/nlibr?GET_FULL_TXT+tx70f7701.pdf+1+1+003177+70F77%200 (дата обращения 12.06.2025).
2. Дюжев Ю. И. Память войны: Великая Отечественная война в русской советской литературе Севера. Петрозаводск: Карелия, 1977. 168 с.
3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
4. История литературы Карелии: В 3 т. Т. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 456 с.
5. Колоколова О. А. Христианские традиции в книге стихов Александра Васильева «Имени Твоему...» (2011) // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 321–340. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13483
6. Лепахин В. В. Икона в русской художественной литературе: икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 735 с.
7. Маркова Е. И. Творчество Николая Ключева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. 315 с.
8. Маркова Е. И. Олонецкие храмы в поэзии Н. Ключева // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 286–291.
9. Маркова Е. И. Родословие Николая Ключева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 354 с.
10. Маркова Е. И. Русское стихотворчество на Украине между Корелю, Чудью и Суоми: от заката империи до послевоенных победных дней. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 140 с.
11. Петров А. М. К проблеме освоения фольклорных нарративов литературной традицией: сказ Виктора Пулькина «Змей – серебряная спинка» // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 3. С. 47–59.

12. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. 781 с.
13. Федотов О. И. Гиперсонет Юрия Линника «Варфоломей» в составе его книги «Троица» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 299–320. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13523
14. Шилова Н. Л. Остров Кизи и русская литература. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 143 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (дата обращения 01.05.2025).
15. Шилова Н. Л. «Северная Фиваида» Виктора Пулькина: локальный текст и авторское начало // Рябининские чтения-2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культур. наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 473–475.
16. Юхименко Е. М. Народные основы творчества Н. А. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 5–15.
17. 100 лет литературе Карелии. Время. Поиски. Портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова. Петрозаводск: Periodika, 2020. 432 с.

Поступила в редакцию 27.06.2025; принята к публикации 31.10.2025

Review article

Olga A. Kolokolova, Cand. Sc. (Philology), Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1625-5791; kolokolowa.olg@yandex.ru

ORTHODOX FOUNDATIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN KARELIA DURING THE XX–XXI CENTURIES

Abstract. Russian literature of Karelia genetically goes back to the traditions of the Russian North, the largest center of ancient Russian book culture, Old Believer culture, and hagiography. Investigating the influence of the Orthodox tradition on Russian literature in Karelia during the XX and XXI centuries is a pressing issue, reflecting the growing interest of modern philology in regional literary developments. This study offers a novel perspective, as it addresses a gap in existing research by providing a dedicated analysis of the overall trends of Orthodox influence in Karelia's Russian literature throughout these periods. Throughout the history of Karelian literature, Christian imagery and motifs have been woven into regional traditions and stable topoi of local texts. Early twentieth-century poetry inherited the spiritual poetic traditions of eighteenth- and nineteenth-century Russia. The creative work of N. Klyuev, which became central to the new peasant poetry, is closely linked to the Olonets region. In the literature of the late 1910s and 1920s, biblical symbols were employed to depict emerging realities; the revolution was often equated with the Coming of Christ, and the Christmas chronotope was revitalized (see S. Sherdyukov, D. Moshinsky, A. Kunyaev, among others). Analyzing texts from the Soviet era reveals that Christian images often functioned implicitly – either as archetypes embedded in the text or within specific contexts – or were desacralized altogether. In the second half of the 1960s, scholars revisited concepts of historical prose genres, with D. Balashov and V. Pulkin exploring themes of historical memory and the role of the Orthodox Church in Russian history. Ekphrastic depictions of temples and Christian motifs re-emerged in the poetry of the 1970s and 1980s (as seen in the works of I. Kostin, A. Avdyshev, and Yu. Linnik). During the period of the “spiritual renaissance”, literature shifted from primarily historical themes and eschatological images toward a focus on the human spiritual experience and the idea of Orthodox conciliarity. Special attention is given to the transformation of the northern Russian hagiographic tradition (V. Pulkin, N. Vasilyeva, D. Novikov, etc.), as well as to the genres of psalm (D. Veresov, S. Zakharchenko) and prayer (A. Vasilyev).

Keywords: Russian literature of Karelia, Christianity, Orthodox traditions, poetics, Christmas chronotope, Easter motif, conciliarity, hagiography

Acknowledgements. This study was conducted as part of a state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kolokolova, O. A. Orthodox foundations of Russian literature in Karelia during the XX–XXI centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1265

REFERENCES

1. Dmitry Balashov and Karelia: celebrating his 95th anniversary. Bibliographic list of references. (I. V. Shustrova, Ed.). Petrozavodsk, 2022. 14 p. Available at: https://library.karelia.ru/catalog/nlibr?GET_FULL_TXT+tx70f7701.pdf+1+1+003177+70F77%200 (accessed 12.06.2025). (In Russ.)
2. Dyuzhev, Yu. I. Memory of the war: the Great Patriotic War in Soviet Russian Literature of the Russian North. Petrozavodsk, 1977. 168 p. (In Russ.)

3. Esaulov, I. A. The Easter motif in Russian literature. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
4. History of Karelian literature: In 3 vols. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. 456 p. (In Russ.)
5. Kolokolova, O. A. Christian traditions in Alexander Vasilyev's book of poems "To Your Name..." (2011). *The Problems of Historical Poetics*. 2024;22(1):321–340. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13483 (In Russ.)
6. Lepakhin, V. V. Icon in Russian fiction: icon and icon reverence, icon painting and icon painters. Moscow, 2002. 735 p. (In Russ.)
7. Markova, E. I. The works of Nikolai Klyuev in the context of northern Russian verbal art. Petrozavodsk, 1997. 315 p. (In Russ.)
8. Markova, E. I. Olonets temples in Nikolai Klyuev's poetry. *Orthodox Christianity in Karelia: Proceedings of the Second international conference*. Petrozavodsk, 2003. P. 286–291. (In Russ.)
9. Markova, E. I. Genealogy of Nikolai Klyuev. Texts. Interpretations. Contexts. Petrozavodsk, 2009. 354 p. (In Russ.)
10. Markova, E. I. Russian poetry on the border between Korela, Chud and Suomi: from the decline of the Empire to the post-war victorious days. Petrozavodsk, 2011. 140 p. (In Russ.)
11. Petrov, A. M. A study on the assimilation of folklore narratives by literary tradition: Viktor Pulkin's tale "The Serpent with the Silver Back". *Traditsionnaya kul'tura*. 2023;3(24):47–59. (In Russ.)
12. Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War, 1941–1945: Collection of documents. (O. Yu. Vasilyeva, I. I. Kudryavtsev, L. A. Lykov, Eds.). Moscow, 2009. 781 p. (In Russ.)
13. Fedotov, O. I. Hypersonet by Yuri Linnik "Bartholomew" as part of his book "Trinity". *The Problems of Historical Poetics*. 2024;22(1):299–320. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13523 (In Russ.)
14. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (accessed 01.05.2025). (In Russ.)
15. Shilova, N. L. "Northern Thebaid" by Viktor Pulkin: local text and the author's element. *The 2011 Ryabinin Readings: Proceedings of the VI Research Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. P. 473–475. (In Russ.)
16. Yukhimenko, E. M. Folk foundations of Nikolai Klyuev's works. *Nikolai Klyuev: Research and materials*. Moscow, 1997. P. 5–15. (In Russ.)
17. 100 years of literature in Karelia. Time. Search. Portraits. (E. I. Markova, N. V. Chikina, O. A. Kolokolova, M. V. Kazakova). Petrozavodsk, 2020. 432 p. (In Russ.)

Received: 27 June 2025; accepted: 31 October 2025